ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АХИЕЗЕРА

Два года назад отечественную науку, всех мыслящих людей России постигла тяжелая утрата – ушел из жизни Александр Самойлович Ахиезер. Его книга “Россия: критика исторического опыта”, изданная Философским обществом СССР в 1991 году, на переломе в жизни страны, потрясла множество людей и в России, и за рубежом, помогла осмыслить происходящие перемены, по-новому взглянуть на историю страны. Созданный им теоретический семинар “Социокультурная методология анализа российского общества” объединил многих специалистов по философии и истории, способствовал созданию вокруг Александра Самойловича либеральной школы философии истории России.

И сегодня, в преддверии восьмидесятилетия Александра Самойловича, нам хотелось бы вспомнить этого замечательного мыслителя и ученого вместе с людьми, близко его знавшими, осмыслить перспективы развития предложенных им концепций, проследить за теми идеями, которые волновали его в последние годы жизни. Нет сомнения, что его идеи не только не утратили свежести, но и еще долгие годы будут оставаться предметом внимания всех тех, кого волнует судьба России.

А.И. ПРИГОЖИН

Феномен Ахиезера

Имя пророка Ахии упоминается в Ветхом Завете.

Представьте: оно прошло столько тысячелетий, передаваясь по мужской линии через множество поколений. И вдруг движение этого древнего имени оборвалось. У Александра Самойловича две дочери. Впрочем, одна из них даже в замужестве сохранила отцовскую фамилию, как бы желая продлить во времени ее звучание. Но ясно, что эти усилия – последние...

Так это было

Я помню его с начала 1970-х гг. Приземистый, рыжеволосый человек с большой лысиной, медлительный, очкастый, неразговорчивый, он любил слушать и редко высказывался сам. Глаз его почти не было видно из-под густых бровей и очков. При общении с ним угадывались большое мыслительное напряжение, сильный характер, интенсивная внутренняя работа. У нас тогда в ходу был вопрос друг к другу: “Над чем ты думаешь?” Имелся в виду предмет размышлений, исследований. На этот вопрос он отвечал осторожно и уклончиво. И только когда мы сошлись поближе, спустя, наверное, год с начала знакомства, он признался: “Я занимаюсь философией

Пригожин Аркадий Ильич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

российской истории”. Речь шла о будущей книге, давшей начало либеральной школе философии истории России.

Меня до сих пор удивляет нелогичность советской системы: поняв ценность фундаментальной науки (прежде всего, для имперских задач), И. Сталин создал для нее элитарные условия. Он и его политические наследники стремились развивать в первую очередь физику, математику, технику, энергетику. Остальные отрасли исследований финансировались как бы по инерции, потому что относились к тому же академическому ведомству. Время от времени советские идеологи расправлялись с какой-то из “второстепенных” для них ветвей научной интеллигенции: то с биологами, то с историками, то с филологами. Тем не менее всегда оставались места, где активно мыслящее меньшинство могло укрыться от надзора и работать во вполне комфортных условиях. В Академии наук СССР существовали настоящие оазисы мысли, которые охраняла даже институтская администрация. Например: вдруг был создан Институт международного рабочего движения. Его директором стал внебрачный сын тогдашнего главы американской компартии Т. Тимофеев. Как наследник знаменитого коммуниста, он пользовался доверием ЦК КПСС, и ему позволено было набрать в ИМРД талантливых людей. Вот так Ахиезер, будучи кандидатом философских наук, попал в интересный коллектив с большой автономией в том, что касалось выбора тем исследований и форм научного общения, да еще при совсем неплохой зарплате. Он справлялся с плановыми работами, не особо “высовываясь” на общем фоне, и в то же время, имел возможность заниматься волновавшими его проблемами: в Академии было принято оставлять планирование рабочего времени на усмотрение сотрудников.

Те, кто хотели заниматься наукой всерьез (а это было явное меньшинство), регулярно посещали Ленинскую библиотеку, где всегда можно было найти какие-то углы, ниши для вполне конфиденциальных разговоров, обсуждений, недоступных для посторонних ушей. Так вот, мой с Ахиезером разговор начался именно там, в одном из укромных мест, у большого окна, где мы время от времени встречались для обсуждения политических новостей, интересных публикаций, литературных новинок. Помнится, я его стал расспрашивать: какие у тебя идеи по поводу философии российских судеб? Сначала он отложил разговор, от прямого ответа уклонился. Но однажды, когда я был у него дома, он посвятил меня в свою тайну: скрытно от жены он работал над гигантским исследованием по загадочным циклам российской истории. И по теме, и по идеям это исследование было совершенно нелегальным и грозило суровым наказанием. Ему помогали дочери-старшеклассницы, которые перепечатывали его рукопись на портативной машинке, используя папиросную бумагу, и три-четыре закладки получались вполне читабельными. Его жена, Изольда, преподавала в Суворовском училище, и конечно, от нее вся эта работа держалась в секрете: она была бы напугана, и страх помешал бы ей нормально жить. Помогало и то, что она не особо интересовалась содержанием работы мужа. Разумеется, хранить тайну приходилось и от большинства друзей, знакомых и сослуживцев. Говоря об условиях, в которых готовилась эта выдающаяся работа, следует принять во внимание, что в ИМРД Ахиезер имел значительную плановую нагрузку. Кроме того, много времени и сил у него занимал уход за больной матерью: тогда не было социальных работников, и снабжать ее продовольствием и помогать по хозяйству мог только он. А это означало стояние в очередях, долгие поездки с пересадками на городском транспорте...

С тех пор, как я стал совладельцем его тайны, мы сблизились, стали встречаться чаще, сдружились. Я в то время жил за городом. Однажды он попросил помочь ему в хранении одной из машинописных копий его монографии. На первой странице я увидел заголовок: А. Наумов (такой он выбрал псевдоним) “Россия: критика исторического опыта”. Я перевез экземпляр к себе домой, прочитал его внимательно и убрал в книжный шкаф, на всякий случай прикрыв нейтральными материалами. Каково же было мое удивление, когда в 1982 г., в один из выходных дней, поздно вечером он неожиданно появился у меня, встревоженный, с большим портфелем, переполненным, как оказалось, рабочими и подготовительными рукописными и машинописными

материалами к той же монографии. Вот что он рассказал: одну из копий он хранил у приятеля, который участвовал в диссидентских группах; по совсем другому поводу к нему явились гэбисты, провели обыск и среди прочих компрометирующих материалов обнаружили рукопись А. Наумова. Все это они увезли к себе, и Александр не мог добиться от пострадавшего приятеля, назвал ли тот настоящего автора. Тем не менее Ахиезер решил уничтожить весь архив, связанный с этой работой. Стали думать, как это сделать. Если бы это была весна, то на какой-то из ближайших дач при сжигании обычного мусора я мог бы заодно сжечь и эти материалы. Но дело было зимой. Я заверил Сашу, что в течение двух дней я уничтожу его бумаги, и отправился к знакомому художнику в Малаховку. Коротко рассказал ему суть дела, он согласился – не без опаски, поскольку неурочный костер мог привлечь чье-то внимание. И все же мы сожгли бумаги в два или три приема. А тот экземпляр, что был у меня на хранении, я перепрятал подальше, хотя в случае обыска его вряд ли удалось бы скрыть. Мы напряженно ждали вызова Ахиезера на Лубянку, но ничего такого, слава богу, не последовало. От того приятеля – диссидента после обыска гэбисты почему-то отстали, и мы успокоились.

Прошло много лет, и снова неожиданность: весной 1991 г. после некоторых задержек появился ныне знакомый всем трехтомник. Под эгидой Философского общества СССР, отпечатанная на ротапринте, на скверной бумаге, тиражом в тысячу экземпляров вышла, уже под настоящим именем автора, знаменитая монография "Россия: критика исторического опыта". Она стремительно разошлась среди интеллигенции и даже партийных работников. Однако признание пришло далеко не сразу — в те годы поднялась целая волна неподцензурных публикаций на ту же тему. Кроме того, все три тома были изданы в непрезентабельном виде, и бумага быстро приходила в негодность, затрепывалась. Знаю также, что тома эти часто расходились по отдельности, и ко многим попадал только какой-то один из трех, из-за чего цельное понимание концепции автора порой не складывалось. Но самая главная причина отложенного признания в том, что это была не публицистика, а кропотливый научный труд, написанный сложным языком, а значит, требовалось немало умственных усилий для понимания. Так или иначе, но только через десять лет автора стали обильно цитировать, ссылки на новое, уже двухтомное (и еще не последнее!) издание появились в большом количестве.

Проклятие инверсий

Главное открытие автора – инверсионные циклы, то есть периодический возврат к синкретическим ценностям в России после периодов ослабления этатизма и усиления импульсов развития.

А. Ахиезер показывает, что определяющей ценностью российской истории был вечевой идеал. В преобразованном виде он дошел через века до наших дней. Этот идеал сугубо синкретичен, то есть возвышает такие надындивидуальные сущности, как семья, род, община, но более всего – государство. Именно оно, и только оно обеспечивает целостность, управляемость, устойчивость нашего социума. При этом остаются неразвитыми общественная самодеятельность, солидарные действия, правовой порядок. Все это подавляется, как правило, персонифицированным владельцем государственного аппарата.

В культуре нашей страны присутствуют также авторитарный и либеральный идеалы, но России отведен дальний и холодный угол Евразии, который краями соприкасается с азиатским Востоком и европейским Западом. И тут нельзя миновать борьбы двух векторов, двух противоречивых устремлений (к традиционализму и либерализму) в одном социальном организме. На этой оси страсти издавна раздирали русское общество, порождая склонность к крайностям и жестоким конфликтам. Раскол, считает Ахиезер, почти непрерывное состояние народа, находящегося на столь напряженной социально-географической растяжке. Раскол у Ахиезера – это одна из ключевых

категорий, наиболее пригодных для анализа нашей истории. Везде есть противоречия, антагонизмы. Но далеко не везде они с такой непримиримостью ведут к разрыву общества на части, к разлому его целостности, доходят до расщепления самого нравственного основания культуры, как это произошло в России. Абсолютизация различий – увы, склонность нашего ума. В основе этого лежит логический и социальный механизм, называемый автором инверсией, то есть обращением в противоположность. Инверсионная логика довольно быстро переводит то, что ранее оценивалось как исключительно доброе, – в безусловно злое, друга – во врага, полезное – во вредное, и т. д.

Сотрясаемые сегодня очередной исторической инверсией, мы остро чувствуем, как расшатывает она социальный Порядок, изматывает нравственную силу народа, из памяти которого еще не стерлись следы подобных же превращений идеалов – в крамолу, вождей – в преступников, господ – в париев. Инверсия подменяет один полюс другим. Это просто и примитивно. Главное же тут – тяжкий грех перед историей, ибо так неизбежен повтор того же заблуждения, лишь со сменой знака.

Как же выйти из спирали инверсии, преодолеть раскол? “Инверсионная ловушка” захватывает тех, кто подкрепляют уверенность в правоте нового решения прежде всего тем, что оно противоположно предыдущему: административная система не оправдалась – спасет рынок, была ваша власть – будет наша, и прочее. Но есть еще путь и средство *медиации*, выводящие на социальное творчество через взаимопроникновение оппозиций, существование их друг через друга. Человечество долго и трудно вырабатывало это средство изживания крайностей, на которые когда-нибудь заносит любую нацию. Медиация (посредничество) – средство гармонизации крайностей, но она же, возможно, главный способ развития, наращивания культуры.

Трудность здесь в том, что тем социальным институтам, которые берут на себя риск управления расколотым обществом, необходимо обеспечить соединение в единое целое его частей, в их гигантском разнообразии, причем именно так, как это способно допустить массовая социальная база. Не лучшим образом, как часто предлагают реформаторы, а в соответствии с возможностями и ограничениями этого общества, в данный момент его жизни. Эффективное управление предполагает контроль над обществом, но не поглощение его. Такая форма управления выступает как посредник не только между целым и частями, но между этими последними. И тут все упирается в *меру*. В меру лидерства и спонтанности, партнерства и покровительства.

Исторический диагноз Ахиезера: в культуре России всегда не хватало квалифицированной медиации, отчего страна не сумела пока отойти от господства древнего инверсионного способа принятия решений, не вырастила средние слои — главную социальную базу общества, основанного на медиации, не преодолела раскол. Этим объясняются ее странный колебательный маршрут, метания из одной крайности к другой.

Таков метод автора, его познавательный аппарат. Что же он дал?

Исследователь открыл новую форму цикличности в отечественной истории. Это глобальный модифицированный инверсионный цикл, в рамках которого инверсия воплощается в массовых социальных процессах. Цикл представлен как массовое движение от догосударственного состояния к авторитарной государственности в крайних тоталитарных формах и обратно – к отрицанию государства, к вечевому, соборному локализму. Исчерпываясь, локализм снова отбрасывается к деспотии все разрастающегося государства. И каждый раз массы вдохновляются очередным нравственным идеалом. Проследим за их сменой.

Во времена Киевской Руси ценилось соборное согласие, почвенным прообразом которого было собрание членов сельского мира. Оно, однако, грозило междуусобицей, было недостаточным для осуществления задач собирания великого государства. В Московской Руси вплоть до Смутного времени царил ранний авторитарный идеал. Необходимость учета интересов сословий и роста сложности общества породили ранний идеал всеобщего согласия, пришедший в упадок при царе Алексее Михайловиче.

Авторитаризм опять, уже в крайней форме, утвердился при Петре I: национальные задачи были решены, но силы общества подорваны. Поздний идеал всеобщего согласия – следующий виток инверсионной исторической кривой – принес освобождение дворянству, он исчерпался восстанием декабристов, показав иллюзорность надежд на преодоление раскола. Поздний вариант авторитаризма господствовал при Николае I. Затем снова соборность, но в либеральном виде, которая, реализовавшись в форме Великих реформ, оборвалась катастрофой 1917 года.

Так окончился первый инверсионный цикл. Сочетание инверсионного и прогрессивного типов изменений раскалывало общество, традиционность и растущие ценности либерализма не смогли завершить свой спор в рамках этого цикла.

Переходом власти к большевикам начался новый период истории. Второй глобальный инверсионный цикл был основан на псевдосинкретизме, то есть некоем варианте гибридной нравственности, в рамках которого господствовала вырожденная форма традиционализма. Предложив новый нравственный идеал, собственную идею общества, большевизм, по сути, реализовал некую форму примирения с расколом, законсервировал его. *Притерпелость* – слово, которое в данном случае может быть отнесено не только к бытовому поведению, но ко всему обществу, сжившемуся, примирившемуся с расколом, к каждому его слою, к каждой личности. Это не означает, однако, полную неподвижность. Инерция циклов продолжалась. Попытка воспроизвести локальную прежде общину в масштабе страны сочеталась с вечевой стихией первых послеоктябрьских месяцев. Неспособность Советов, этих новых вариантов веча, выработать эффективные решения заставила обратиться к ценностям авторитаризма, что проявилось в эпоху военного коммунизма. Элементы медиации, попытки добиться согласия в обществе соответствуют НЭПу, отказавшись от которого общество достигло высшего пика цикла – сталинского крайнего авторитаризма, высшего нравственного напряжения в осуществлении своей мечты о справедливой жизни. Затем – попытка возврата к ценностям всеобщего согласия (хрущевские реформы), умеренный авторитаризм брежневского застоя и, наконец, возврат к соборно-либеральному идеалу в годы перестройки, где ценности общей работы на благо всех слоев общества, утверждения нового "мы" окрашены в либеральные тона, под поверхностью которых вырывается многоголосица освобожденного хаоса, питательной среды возможной будущей инверсии.

Ты оказался прав, Саша!

У меня с Александром Самойловичем был постоянный предмет обсуждений и разногласий: Ахиезер предупреждал общество о возможности новых повторов движения по тому же кругу. В прогнозах он не был оптимистичен, хотя в целом книга исполнена пафоса преодоления. А мне хотелось этот пафос перевести в нечто прагматичное. Мой контртезис был таков: фатализм цикличности отступает перед массовым усилием, субъективной напряженностью человеческого действия, продуктивным синтезом нравственных оснований общества, соразмерным сложности современного мира.

Главное мое возражение состояло в том, что у мировой истории появилось новое качество – глобальность развития, то есть усиление взаимозависимости народов. Россия не может оказаться в стороне от этих процессов. Войдя в общечеловеческую цивилизацию, она способна обогатить ее новыми яркими красками. "Русской культуре есть, что внести в этот диалог народов, – пишет Ахиезер. – Это прежде всего идея всеединства". Именно поэтому, – говорил я ему, – инверсионные циклы наконец обрываются, точнее, они гасятся глобальным, прежде всего европейским влиянием. Если эта цикличность и будет появляться, то в виде попыток маргиналов, и никогда она не захватит центральную ось развития. Иначе говоря, мы будем колебаться вместе с развитым миром, и местные традиции будут синхронизироваться с глобальными.

Но наступил 2003 год, и постепенно я вынужден был признать, что инверсионный цикл возобновляется, надеюсь, не приводя к критическим последствиям. Так что

правда Ахиезера, к моему большому сожалению, все еще действенна. Правда, сам он отнюдь не торжествовал, выслушивая признания в собственной правоте. Возрождение авторитаризма и этатизма он воспринимал как диагноз.

Объективистский взгляд на общество и историю у него был вообще развит. Он был мощным диагностом, но далеким от терапии, он никогда не предлагал никаких средств лечения социальных патологий. Для него социум был чем-то объективным, почти как биота.

Между прочим, к своим трудам и научной судьбе он тоже относился как-то отстраненно. Однажды я высказал ему свою досаду на то, что в мире почти неизвестен А. Платонов, величайший наш мыслитель: его "Котлован", "Чевенгур" куда более философичны и художественны, чем произведения Л.Толстого, А.Чехова, М.Горького. А ведь этими последними гордится страна. Он ответил кратко: "Мир несправедлив!". Спустя какое-то время я снова посетовал: смотри, без конца цитируют такого-то и такого-то, а ведь у тебя все это выстроено сильнее и концептуальнее, но ссылки на тебя редки. Тут он рассмеялся и повторил те же слова: "Мир несправедлив!".

Что ж, ты и в этом оказался прав, старина Ахиезер!